

Про Чурилу (4)

В Новом городе было:
Как не во пору поро́ха выпадала,
Как не во пору да не во времё —
Середь лета было, о Петрово дни.
По той по поро́хе снегу белого
Не бел горноста́ль да шол-проскакивал —
Да шол-прошел да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Плёнкович:
Да пята́ шилом, носки́ были востры́,
Да по́д пету́ — хоть воробей лети,
Кругом носка́ хоть еицо́ кати!
Да шубоцька на ём — семьсот рублей,
На шубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у шубы — чёрна соболя:
Не того-де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя — заморского;
(Это с Камчатки!)
Да пугови́ки у его́ были — валья́чные:
Того ли валья́ку краснозолоту;
(Это доро́гое золото.)
Да петелки-то были — шо́лковы:
Да того-де шолку, шо́лку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шол-то он да ко чужу двору,
Ко чужу двору ко Пере́мётину.
Пере́мету дома не лучилоси,
Свет Васильеви́ца не погоди́лосе:
Уехал он да ле во чисто́ поле
Да биты́ гусей да белых лебедей,
Да серых маленьких ути́цей.
Бежал-то он да ле на красно́ крыльцо,
Стучит-бредит он да за злато кольцо,
Дёрьгал ре́мёшок да семишо́лковый.
Выходит ле Настасья́ да дочь Викули́шна,
Сама говорит она да ле таково́ слово:

«Да кто ю ворот стоит, толкайтце,
Стучит-гремит да во злато кольцо,
Дёрьгат ремёшок семишолковой?» —
«Да я ле, Настасья дочь Викулишьна,
Да я у ворот етом толкаюсе,
Тебя ли, Настасья, дожидаюся!»
Открывала она тут да новы́ воротá,
Брала Чурилу за белы́ руки,
Велá его, Чурилу, да по новым сеням,
Да по новым сеням да в нóву горницю.
Да розделса Чурила чуть не дóнага,
Да розулса Чурила ведь дóбоса,
Да шубоцьку он — на грядоцьку,
Да шапку, рука́вки — на лавоцьку,
Сапожки, чулочки — под кроватоцьку.
Кормила она его вить ноньце дóсыта,
Поила она ноньце дóпьена,
Ложилса Чурила ведь с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут девоцька-служаноцька,
Сама говорит да таково́ слово́:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович:
Живешь ты нонь не по-дорожному —
Живешь ты нонь да по-домашному!
Розделса ты ведь чуть не́ дóнага,
Розулса ты уж ноньце ведь дóбоса,
Спишь-лежишь да со чужой женой,
С чужой женой да с чужой мўжьей же —
Скажу Перемёту я Васильевичу!»
Говорит Чурило да таково́ слово:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не сказывай, девушка-чернавушка:
Куплю я тебе в косу́ лентоцьку,
Которая лента сто́ит сто рублей!» —
«Не надо мне твоя лентоцька,
Котора стоит хошь и сто рублей —
Скажу Перемёт я Васильевичу!» —
«Не сказывай, девушка-служаноцька:
Куплю сарафан тебе на золоти,

Которой стоит восемьсот рублей!» —
«Не надо сарафан мне твой на золоти,
Которой стоит хоть и семьсот рублей —
Скажу я Перемёт я Васильевичу!» —
«Не сказывай, девушка-служаночка:
Куплю тебе шубку камчатную,
Котора стоит девятьсот рублей!» —
«Не надо мне-ка твоя шубоцька,
Котора стоит девятьсот рублей —
Скажу Перемёт я Васильевичу!»
Выходила она тут на краснó крыльце,
Смотрела она во чистó полё:
Да едет детина из чистá поля,
Да конь под ним — да аки лютый зверь,
На конí молодец — да как ясён сокол.
Приворачиват да ко тому двору,
Ко тому крыльцю ко Перемётыну.
Снимат-то он свой пухóв колпак:
«Да здравствуй ты, девушка-служаночка,
Спасибо тебе, — хоть меня встретила!
Да где же у меня нонь молода жена,
Почему она меня не встретила?
Пировать ушла ле, столовать ли ушла,
Ле нэвремя какó случилось?..»
Говорит тут девушка-служаночка:
«Не пировать ушла, не столовать ушла,
И нэвремя никакó не случилось —
Богатство к твоей жены привезалосе:
Прибежал ведь конь из чиста поля,
Заскочил ведь конь да во зелéный сад,
Примял-то ведь травоньку шелкóвую,
Да пріпил питья да всё медяны!..»
На то Перемёт-то он догадлив был:
Соскакивал да со добрá коня,
Привезал коня да к золотú кольцю,
Бежал-то он на краснó крыльце,
На красно крыльце, по новым сеням,
На красно крыльце — да прямо в горницу!
Перемёт-от по горенке похаживāt,

В пол копьём да подпираетце —
Сабелька да изгибаетце,
Из кольца в кольцо да извиваетце.
Еснёшенько везде высматривāt,
Увидел он: ведь уж на грядоцки,
На грядоцки да виснет шубоцка.
«Это што у тя, поштё, это што у тя, наштё?»
Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
«Ой ёси, Перемёт сын Васильевич!
Вечор я ходила во торговищо,
Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
На людях вижу — на тебе, судáрь, люблю!..»
Перемёт-от по горенке похаживāt,
Сабелькой в пол подпираетце —
Да сабелька изгибаитце,
Из кольца в кольцо извиваетце.
Яснёшенько везде высматривāt,
Увидел он: уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцька,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
«Это што у тебя, поштё, и это што у тебя, наштё?»
Говорит Настасья дочь Викулишна:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищо,
Купила я тебе ведь шапоцьку
Шапку купила ведь да и с рукавками,
Нá людях вижу — на тебе, сударь, люблю!»
Перемёт-то по горенке похаживāt,
Сабелькой в пол подпираетце —
Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо извиваетце.
Яснёшенько везде высматривāt,
Увидел он: да под кроватоцкой лежат да сапожецки,
Сапожки лежат да со чулоцками.
«Это што у тебя, поштё, и это што у тебя, наштё?» —
«Ой, Перемёт-от сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговищо,
Купила я тебе уж сапожецки,

Сапожки купила и с цулоцками,
На́ людях вижу — на тебе, сударь, люблю!»
Перемёт-от по горенке похажива́т,
Сабелькой в пол подпираетце —
Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо извиваетце.
Яснёшенько везде высматриват, —
Увидел он: ведь на кроватоцке,
На кроватоцке да лёжит молодец.
Ставал-то Чурило с кроватоцки,
Да падал ему он во резвы́ ногі:
«Да здравствуй ты, брателко названной мой!»
Говорит Перемёт-от таково́ слово:
«Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,
Да ране тебе ведь я уж сказывал,
Доселе, знать, я тебя уговаривал,
Што не знайся ведь, Чурило, с моей женой —
Доведёт жена ведь до погибели!..»
Не ясен сокол как крылом махнул,
Ма́хнул крыло́м да кры́лом пра́вым же —
Ма́хнул Перемёт да саблей вострою
По той по шее по Чуриловой
(Голову отсек.)

Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
«Где белу лебедю лежать,
Тут и белой лебёдушке!»
Говорит Перемёт таково́ слово:
«Да я вашей заповеди не рушаю!»
Не ясен сокол да как крылом махну́л,
Ма́хнул крыло́м да кры́лом правым же —
Ма́хнул Перемет да саблей вострою
По той по шее по Настасьиной.
(Он тут служанку взамуж взял за верность.)

(Зап. А. М. Астаховой 30 июня 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.